

Л. Джаниашвили

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ СВАНЕТИ)

В Грузии институт традиционного (обычного) права в определенной мере сохраняет свое значение и сегодня. Нормы, установленные в соответствии с обычаем и традицией, определяют многие стороны жизни членов социума, регулируя отношения не только там, где государственное право бессильно, но порой также и в сферах, входящих в область юрисдикции последнего. Это обусловлено многими факторами, среди которых можно выделить следующие: в государственном праве зачастую отсутствуют соответствующие тем или иным ситуациям повседневности нормы, вследствие чего образуется правовое пространство для разрешения споров (тяжб) на основе принципов традиционного права; решение государственного суда некоторые члены общества подчас считают «несправедливым» и поэтому отдают предпочтение системе обычного права; иногда сторонам гораздо удобнее (исходя из этических, материальных или прочих соображений) разрешить спор, обратившись к традиционному праву, и в таком случае официальные органы могут сами избегать вмешательства в конкретную ситуацию¹; традиционные нормы могут представлять для общности своего рода консолидирующий фактор, посредством которого отдельные группы стремятся сохранить свою идентичность.

Принимая во внимание распространенное в научной литературе мнение, что традиционная соционормативная система была ведущей среди горского населения, а на равнине преобладало действие государственного (формального) права, можно утверждать, что первая до настоящего времени в большей или меньшей степени функционировала во всех историко-этнографических провинциях Грузии. На протяжении последних двух столетий в Грузии несколько раз сменились поли-

---

¹ В качестве примера можем привести ситуации передачи наследства или раздела семейного имущества. Большинство людей, как правило, не обращаются к официальным нормам, стремясь урегулировать эти вопросы обычным правовым способом.

тические системы и, соответственно, системы государственного права, что, конечно, не осталось вне поля зрения исследователей истории права. Влияние этих сдвигов на традиционную соционормативную культуру изучено, однако, сравнительно мало. Ниже мы обратимся к материалам Сванети и рассмотрим процесс трансформации обычно-правовой системы в этой историко-культурной провинции Грузии.

В Грузии различные правовые системы (государственная, традиционная, религиозная) сосуществовали в условиях симбиоза и конкуренции на протяжении многих веков, поэтому провести грань между ними порой бывает нелегко. В периоды своего усиления центральная власть стремилась к устранению различий между общинами горской и равнинной частей Грузии. Это отражено, в том числе, в грузинском историческом законодательстве; например, в начале XIV в. в годы царствования Георгия Блистательного было составлено «Уложение» для восточных горских общин — обществ, для которых были характерны элементы так называемой военной демократии. В «Уложении» обычно-правовые нормы конструктивно сочетаются с нормами государственного права. Анализ этого документа показывает, что должность *хевисбери* ('старшина, глава ущелья') была определена как должность царского чиновника, который, в определенном смысле, являлся феодалом в обязанности которого входило руководство военным отрядом ущелья [Хизанишвили 1940: 11—12]. Впоследствии содержание института хевисбери радикально изменилось: должность перестала быть наследственной, хевисбери превратились в религиозных предводителей общины.

Грузинские феодалы и царские чиновники — эриставы, стремясь привести к покорности горские общины и установить над ними власть, строили свои замки и крепости у самых входов в ущелья и затрудняли горцам доступ в долины. Нередки были и вооруженные походы против горцев. Однако попытки подчинить горские общины были мало успешны, горцы не признавали над собой власти эриставов ни как чиновников грузинского государства, ни как феодальных собственников [Ковалевский 1890: 117]. В грузинском фольклоре очень популярно повествование о борьбе пшавов и хевсур против арагвских эриставов — Нугзара и его сына Зураба. Примечательно, что этим известным полководцам и храбрым воинам не удалось распространить свое влияние среди пшавских и хевсурских общин.

Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в Сванети: грузинская царская власть управляла этим регионом посредством эриставов (феодальных домов Варданидзе, Геловани, Ричгвиани, Дадешкелиани) и пыталась утвердить здесь формальное право. Исследователями XVI—XIX вв. установлено, что действовавшие в сванском обществе правовые институты были сходны с институтами других провин-

ций Грузии и соответствовали всем основным сферам феодального общегрузинского права [Гасвиани 1973: 154].

С ослаблением царской власти после распада единого грузинского государства местным феодалам приходилось с оружием в руках отстаивать свое влияние в Сванети. В результате этой борьбы в одной части Сванети (Балсземо Сванети) влияние государственных институтов стало весьма незначительным, и социальная дифференциация населения сократилась до минимума, а в другой части края (в Сададешкелиано — Балсквемо Сванети) усилилось господство феодального рода Дадешкелиани. В сложившейся обстановке имеретинский царский двор (которому номинально подчинялась Сванети) шел на ряд уступок, нередко прибегая для урегулирования ситуации к институтам традиционного права. Так, например, Эгнатэ Габлиани приводит предание о том, как имеретинский царь выступил с инициативой создать медиаторский суд с целью примирения одной сванской (ушгульской) общины и рачинских эриставов Джапаридзе [Габлиани 1925: 62].

Российская империя, установив свое господство в Грузии, всячески стремилась внедрить здесь собственное законодательство, но это было непросто, и на первых порах в судопроизводстве широко использовалась «Книга законов» Вахтанга VI. Позднее многие нормы этого кодекса были внесены в свод законов Российской империи [АКАК 1866: 430, 438]. Несмотря на введение российского законодательства, некоторые нормы, принадлежавшие к грузинскому государственному законодательству и не вошедшие в новую систему, продолжали функционировать и в создавшихся условиях. Однако, будучи отличными от официальных, они превратились в традиционные, то есть неформальные, нормы.

Насаждение российских законов в горных регионах Грузии оказалось еще более трудным делом. Согласно сведениям Эгнатэ Габлиани, следователь-судья поднимался в Сванети только в летний период. За короткий срок он, естественно, не успевал разобраться в ворохе накопившихся за год дел, и сваны продолжали решать свои проблемы в соответствии с прежними порядками и правом. Некий судья, у которого голова пошла кругом от всего этого, сказал: «Для сванов законы не писаны, мое присутствие здесь излишне», собрал в охапку все папки, облил их керосином и сжег [Габлиани 1925: 51—52].

Положение отчасти изменилось с установлением советского режима, когда коммунистическое руководство попыталось создать в новом государстве унифицированное правовое пространство [Вардзиели 1926: 4—5; Качарава 1926: 2; Надареишвили 1979: 39]. Идеологи коммунизма считали, что неизменных этических принципов не существует. Социалистическая правовая система формально служила формированию новых, коммунистических этических ценностей, со сменой общественных формаций должны были меняться и нравственные поня-

тия. Иными словами, нравственные нормы феодального уклада были неприемлемы для капиталистического строя, а нравственные начала последнего шли вразрез с социалистическим образом жизни. Более того, провозглашалось, что для антагонистических классов одного и того же общественного строя характерны совершенно разные свойства и нормы поведения. С другой стороны, в СССР невозможно было допустить возможность противоречия между общественным мнением и государством. Когда государство наказывало виновного в нарушении социалистического общественного правопорядка и лишало его гражданских прав, этим оно якобы выражало устремления всего общества. Для гражданина социалистической страны были чужды либерально-буржуазные представления, согласно которым вина не всегда принижает личность в глазах общества, но, напротив, гонимая государством личность подчас заслуживает в обществе большего уважения [Пурцхванидзе 1949: 70—71].

Несмотря на вышесказанное, коммунисты вынуждены были считаться со спецификой правовой ситуации «на местах», в том числе и в Грузии. Нормы обычного права здесь, претерпев в новых условиях некоторую трансформацию, тем не менее продолжали существовать и функционировать, по-прежнему практиковалось обращение к традиционным правовым институтам.

Большинство споров (особенно семейных) продолжали разрешаться согласно обычаю, тяжущиеся редко обращались к официальным органам. Иная картина наблюдалась в отношении уголовных дел, рассмотрение которых государство целиком взяло в свои руки [Беселиа 1928: 464—467]. Тем не менее и в этой сфере традиционные нормы сохраняли часть своих позиций, например, при решении так называемых частноправовых дел.

«Вообще правонарушением (преступлением) признавалось любое действие или бездействие, представлявшее собой опасность для советского строя или нарушавшее правопорядок, установленный властью рабочих и крестьян для периода, переходного к коммунистическому строю» [Эркомаишвили 1928: 531]. Частным же преступлением считалось такое преступное деяние, которое не подвергалось уголовному преследованию по инициативе государства, а доверялось для разрешения частному (пострадавшему) лицу.

Выделение понятия «частного преступления» пытались оправдать перегруженностью судов. Однако часть прецедентов, квалифицированных как «частные преступления», не влекли за собой никакой реакции со стороны государства по другой причине. Потерпевшие просто не обращались за помощью к судебным органам. Вероятно, в подобных случаях урегулирование происходило на основе норм традиционного права.

Из упомянутого явствует, что в XX в. традиционное право сохраняло свое значение. Члены общества делили горе и радость, считая их общими. Покойника оплакивали не только члены семьи, но и вся родня (однофамильцы). Выражением морального единства микросоциумов можно считать стремление избегать публичного разбирательства в родственных и семейных спорах. В таких случаях редко обращались в суд. Так, например, в 60-х гг. прошлого столетия в судах Сванети было рассмотрено очень небольшое число дел по внутрисемейным вопросам. В 1964—1979 гг. в Земо Сванети вообще не зафиксировано ни одного судебного разбирательства по поводу раздела семейного имущества или каких-либо иных семейных неурядиц. Председатель народного суда подтвердил, что подобные дела не доходили до государственных судебных учреждений, поскольку вмешательство старейших и уважаемых представителей «рода» (фамилии) и разрешение ими спорных дел считалось последней санкцией. Председатель суда официально одобрял такое положение вещей [Гегешидзе 1975: 115—116]. В то же время указывалось и на некоторое недовольство и недоверие граждан к урегулированию дел на основе традиционных норм. Вышеупомянутый председатель Местийского суда полагал, что господство традиционного права «долго не протянет», так как, во-первых, молодежь все чаще игнорировала решения старейшин (особенно в тех случаях, когда последние не являлись членами их семей), а во-вторых, сами старейшины не демонстрировали былой ответственности за дела «рода» (фамилии).

Основными инструментами осуществления правосудия у сванов являлись Народное собрание и медиаторский суд. Рассмотрению Народного собрания подлежали преступления, посягавшие на интересы общества: измена общине и святилищу, нарушение экзогамии (запрещения брака между теми, кто считались родственниками, например, внутри фамилии или между представителями сторон, связанных кумовством) и т. д. В ведении медиаторского суда находились преступления, направленные против личности: убийства, ранения, тяжкие увечья, нанесение морального или имущественного ущерба и т. д.

Верховной инстанцией сванской юридической иерархии являлось общинное собрание под председательством *махвиши* (= *мамасахлиси* — ‘старшина селения, общины’), избиравшегося самим этим собранием. Собрание правомочно было изгнать провинившуюся семью из общины, сжечь её дом, даже покарать членов такой семьи смертью. Вопрос выбора предводителя общины (сельского общества) рассматривался на общем собрании сельчан (жителей общины) — *лузор*, на котором присутствовали все члены общества старше 20 лет — и мужчины и женщины. В научной литературе описано несколько значительных собраний XIX в. Полученный нами полевой материал свидетельствует о том, что важнейшие проблемы села (общества) до последнего времени

решались общинным собранием. У мигрировавших в Квемо Каргли (Юго-Восточная Грузия) сванов существовала практика созыва общинного собрания и принесения клятвы о недопущении в своем селе каких-либо преступлений и отклонения от традиционных норм. По сведениям, предоставленным одним из сванских мигрантов, в селах Квемо Каргли «они имели совет старейшин — *швидкаца* (букв.: ‘семь мужчин’), созданный самим обществом и состоящий из семи мужчин. На этот швидкаца возлагалась обязанность контролировать в селе порядок, решать организационные вопросы и прочее».

Ещё большую актуальность приобрело обычно-правовое урегулирование во время общественных беспорядков, имевших место в 90-е годы прошлого столетия. Рассказчик повествует:

Когда в 90-х годах были беспорядки в нашей общине (Латали) произошло много несчастий. Молодежь взялась за оружие, часты были убийства и грабежи. В Латали было совершено 7 убийств. Представьте себе: в Латали живут 18 фамилий, и все превратились в кровных врагов друг друга. Общество встало перед угрозой самоуничтожения и вынуждено было искать пути спасения. Собрались мы, представители со всего Латали, слово которых что-то значило, и взяли клятву со всей общины, примирили фамилии кровных врагов, уладили проблему воровства и разбоев. Сейчас, если даже оставишь на улице доллары, там ты их и найдешь, никто до них не дотронется. Ежегодно 5 октября мы отмечаем Латалоба (праздник Латальской общины. — *Л. Д.*). Для пресечения преступности мы создали комиссию из 24 человек, которая собирается накануне праздника и рассматривает дела. Мы прибегли и к старому методу: любой член общины, ставший очевидцем какого-либо правонарушения, должен попытаться остановить преступника. Если преступление все же свершилось, очевидец обязан сообщить об этом нашей комиссии.

Полевые данные свидетельствуют о том, что в советский период (до последней его поры) в сванском этнографическом быту сохранялась как функционально-институциональная, так и терминологическая система традиционного права. Название места сельского собрания — *свити*, согласно грузинской научной традиции, этимологически связано с *сопели* (‘село’). В Сванети термин *свити* встречается и как название нескольких сёл, занимающих центральное положение в своих общинах. Примечательно, что коммунистическое руководство умело использовало эту традицию, учредив в подобных местах органы советского административного управления — сельсоветы [Гуджеджиани 2008: 19].

Споры частных лиц (будь то уголовные или гражданские дела) у сванов разбирали *морвари* // *морвали* (судьи-посредники), то есть медиаторский суд. На морвари возлагалась особая функция: их главной целью было не только установить виновного и вынести ему приговор,

но и примирить стороны. Медиаторы стремились склонить пострадавшую сторону к тому, чтобы она довольствовалась имущественным возмещением ущерба, дабы избежать дальнейшей мести и истребления общества. Морвари рассматривали: 1) так называемые имущественные дела, связанные, например, с нарушением права пользования землей, права собственности на недвижимое имущество; нарушения договоренностей и пр.; 2) убийства, нанесение телесных увечий, изнасилование, избиение, случаи воровства с нанесением значительного ущерба и пр. В случае имущественного правонарушения с виновного взыскивался штраф.

В повседневном быту традиционное право сваны обозначали термином *лэ морев*, происходящим, по-видимому, от термина *морвари* и обозначающим судью-медиатора [Нижарадзе 1962: 94; Габлиани 1927: 95; Кекелиа 1981: 106; Давиташвили 2002: 15]. В литературе высказывается мнение, что сванский термин *морвари* происходит от слова *урва* // *саурави* ('пена, штраф') и связан с взысканием штрафа. Правомернее, на наш взгляд, точка зрения о заимствовании и трансформации термина *морвари* от грузинского *моурави* (= опекун, управляющий; от слова *урва* 'опека, забота') [Давиташвили 2002: 16].

Как уже говорилось, в позднее средневековье Сванети номинально вошла в Имеретинское царство. Моуравы играли в нем заметную роль. Административно царство делилось на 26 моуравств, возглавляемых моуравами. Моуравами церковных владений назначались представители церковного ведомства, а в феодальных общинах моуравами были сами феодалы (помещики). Самыми большими правами пользовался моурави Кутаиси. В Кутаисском моуравстве судебные дела вместо мдиванбегов рассматривали сами моуравы; в их же руках была сосредоточена и исполнительная власть. Решение моурава было почти окончательным и изменить его мог только царь. Полномочиями судьи моуравы наделялись и в других местах Имерети [Гоникашвили 1979: 57—59].

Примечательно, что в древних сванских письменных документах упоминается термин *моврави* // *сасцорони мовравни*, который, по своим функциям полностью соответствует морвари — участнику процесса позднего традиционного сванского правосудия. Например, в документе, составленном в конце XIV в., касающемся решения по поводу тяжбы между домами Ардашела Кочориани и Бедана Вахтангиани, говорится: «Призвали мы избранных справедливых сасцорони *мовравни* (подчеркнуто нами. — Л. Д.), рассудили они дело, что промеж нас было» [Ингороква 1941: 77]. Предположительно, именно от термина *моврави* происходит более поздний сванский термин, обозначающий традиционное право.

Особыми административно-судебными функциями обладал институт *хевистави*. Из материала, собранного Р. Харадзе в Лашхетской

общине, явствует, что в функции хевистави входило выявление совершенных в селе правонарушений и принятие соответствующих мер. В случае необходимости собирались хевистави со всей Квемо Сванети и выбирали совет из пяти человек (так называемых *моруали*), которому вменялось в обязанность рассмотрение судебных дел всей этой области [Харадзе 1953: 184—185]. Примечательно, что в Имеретинском царстве поимкой воров и разбойников занимались два *хевистави* (начальники сыскных отрядов), находившиеся во время поиска преступников на содержании населения [Гоникашвили 1979: 63].

Суд *мореви*, или медиаторский суд, в Сванети рассматривал спорные дела частных лиц — будь они уголовного или гражданского характера [Кекелиа 1941: 113; Бакрадзе 1864: 55]. Правонарушения, ущемляющие интересы всего общества (ущелья, села, общины), не входили в компетенцию медиаторского суда. Если частное лицо посягало на интересы общины, то его поступок рассматривало общинное собрание, которое и назначало ему должное наказание. Собрание рассматривало насущные вопросы сельчан, решало проблемы строительства и ремонта дорог, мостов, церквей, отношений с другими общинами (в том числе с северокавказскими) и т. д. [Давиташвили 2002: 6]. И. Мамацов даже сравнивает такое собрание с федеративным советом:

Члены этого федеративного Совета выбирались по большинству голосов. Каждое общество назначало по 24 человека. Цвирми (Симон) было местом заседания, куда собирались все члены два раза в год для разбора порученных им дел. Под ведением этого союзного схода находились дела, касающиеся всей вообще Сванетии, как, например, объявление войны соседям, вызов ополчения, назначение главного начальника над ополчением, сотников и заключение мира. В случае нужды «лужор» имел право облагать жителей податями для ведения войны и для других финансовых нужд... Решение или постановление этого союзного Совета было безапелляционно для всех сванетов, в знак чего и присягали образу «Шалиани». Эти советы не касались внутреннего правления Сванетии, так как каждое общество само заведовало своими делами [Мамацов 1872: № 121].

Для решения проблем, касавшихся всей Сванети, созывалось общесванское собрание. Именно такое собрание состоялось в Балземо Сванети в 1875 г. Тогда в народе появились подозрения, что русское правление намеревается ввести новые налоги. Народ сначала собрался в Мулахской общине и призвал все общины Вольной Сванети воспрепятствовать этому. Затем представители всей Вольной Сванети собрались в храме Святого Квирикэ в с. Кала, где присягнули друг другу в верности и единстве действий [Габлиани 1925: 94—95]. Подобные собрания обеспечивали монолитность и единство села и общины и имели важную социальную функцию.

Г. Гасвиани полагает, что действие в Балсземо Сванети «родового» народного правления, практика проведения общинных собраний и выбора *мамсахлиси (махвиши)* стали результатом российской реформы 1869 г., касавшейся сельского управления в Сванети, и в предшествующие ей годы в сванской действительности они не фиксировались. По его мнению, авторы, развивавшие эту идею (М. Ковалевский, И. Иванюков, Р. Эристави, Э. Габлиани, Б. Деген-Ковалевский, Р. Харадзе и др.), опирались на материалы этнографических очерков И. Мамацашвили и Б. Нижарадзе и существование так называемого родового института в Сванети доказывали «без достоверных исторических источников» [Гасвиани 1979: 68—78]. При этом в другом месте Г. Гасвиани признает, что до присоединения к России решение общих вопросов в Сванети происходило иногда путем собрания и договоренности села или всех заинтересованных лиц (подчеркнуто нами. — Л. Д.) [Гасвиани 1979: 78]. Во всяком случае, очевидно, что реформы, проведенные в 60-х гг. XIX в., способствовали реанимации функции общинных собраний.

Приведенные выше данные позволяют высказать предположение, что в системе сванского традиционного права своеобразно отразились многие элементы функционально-институциональной и терминологической системы феодального грузинского права. Попытка властей в разное время создать единую систему права имела только частичный успех, и многие традиционные нормы соционормативной культуры сохранились вплоть до последнего времени. Несмотря на изменившуюся социально-культурную обстановку, люди остались верны собственным традициям. Хотя в советский период действие института традиционного права официально было ограничено, значительная часть общества воспринимала исторически сформировавшиеся нормы как традицию, а отношение к ее нарушителям оставалось негативным, что по сей день проявляется в обыденной жизни.

Источники

Акты Кавказской археографической комиссии

АКАК 1866: АКАК. Т. 1, ч. 2. 1866: 1) Всеподданнейший рапорт ген. Кноринга от 28-го июля 1801 года за № 1; 2). Постановление внутреннего в Грузии управления, Высочайше утвержденное в 12-й день сентября 1801 года, в Москве.

Литература

Багратиони 1959: Багратиони Д. Образование Грузии по части прав законоведения. Тбилиси, 1959.

- Бакрадзе 1864: *Бакрадзе Д.* Сванетия // Записки Кавказского отделения Императорского Русского общества. Тифлис, 1864. Кн. IV.
- Беселиа 1928: *Беселиа К.* Результаты исследования (из доклада исследования Цалкского народного суда) // Сабчота самартали. 1928. № 19. Груз. яз..
- Вардзиели 1926: *Вардзиели И.* Проект нового кодекса законов о браке, семье и опеке // СС. 1926. № 1. Груз. яз.
- Габлиани 1925: *Габлиани Э.* Старая и новая Сванети. Тифлис: Госиздат СССР, 1925. Груз. яз.
- Габлиани 1927: *Габлиани Э.* Свободная Сванети. Тбилиси, 1927. Груз. яз.
- Гасвиани 1973: *Гасвиани Г.* Из истории нагорья Западной Грузии. Тбилиси, 1973. Груз. яз.
- Гасвиани 1979: *Гасвиани Г.* Вопросы истории нагорья Западной Грузии. Тбилиси, 1979. Груз. яз.
- Гегешидзе 1975: *Гегешидзе М.* Вопросы экономической и социальной активизации населения горной зоны Грузии. I. Конкретно-социологическое исследование Сванети / Под ред. М. Гегешидзе. Тбилиси, 1975. Груз. яз.
- Гоникашвили 1979: *Гоникашвили М.* Имерети на рубеже XVIII—XIX веков. Тбилиси, 1979. Груз. яз.
- Гуджеджиани 2008: *Гуджеджиани Р.* Из истории ментальности грузинских горцев. Тбилиси, 2008.
- Давиташвили 2002: *Давиташвили Г.* Медиаторский суд в Сванети. Тбилиси, 2002. Груз. яз.
- Ингороква 1941: *Ингороква П.* Исторические памятники Сванети. Ч. 2: Тексты. Решение № 77 по поводу тяжбы между домами Ардашела Кочориани и Бедана Вахтангиани. Тбилиси, 1941.
- Качарава 1926: *Качарава А.* Советский суд в пятую годовщину советизации Грузии // СС. 1926. № 1. Груз. яз.
- Кекелиа 1981: *Кекелиа М.* Организация суда и судебный процесс в Грузии до присоединения к России. Тбилиси, 1981. Груз. яз.
- Ковалевский 1980: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1.
- Мамацов 1872: *Мамацов И.* Заметки о Сванетии // Кавказ. 1872. № 121.
- Надареишвили, Хецуриани 1979: *Надареишвили Г., Хецуриани Дж.* О некоторых вредных нравах и обычаях. Тбилиси, 1979. Груз. яз.
- Нижарадзе 1962: *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические очерки. Тбилиси, 1962. Груз. яз.
- Пурцхванидзе 1949: *Пурцхванидзе Б.* Защита чести и достоинства человека в уголовном кодексе. Тбилиси: Изд-во ТГУ им. Сталина, 1949. Груз. яз.
- Харадзе 1953: *Харадзе Р.* Система народного правления в Сванети // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1953. Т. VI. Груз. яз.
- Хизанишвили 1940: *Хизанишвили Н.* Этнографические записи. Тбилиси, 1940. Груз. яз.
- Эркомаишвили 1928: *Эркомаишвили А.* О частном правонарушении // СС. 1928. № 23. Груз. яз.